

Н.В.Ракуц

Иезуиты и индейцы в вице-королевстве Перу

«Утопия», просуществовавшая полтора века

Автор выражает огромную признательность сотрудникам Римского архива Общества Иисуса и его библиотеки за предоставленные ему для ознакомления ценные публикации, без которых данная статья не могла бы быть написана.

В статье на основе исследований последних лет рассматриваются организация иезуитских миссий и проблема взаимодействия европейской и индейской культур на окраинах вице-королевства Перу в XVI—XVIII вв. как единственный в своем роде успешный пример мирной колонизации в Америке.

Ключевые слова: иезуиты, гуарани, миссии, редукции, провинция Парагвай.

История Общества Иисуса (неточно часто называемого Орденом иезуитов) в колониальной Америке представляет собой ярчайшую страницу ее истории, не оцененную в полной мере и до сих пор, несмотря на то, что в последние десятилетия она стала привлекать все больше внимания, в том числе и в российской науке. Однако методология изучения этой темы унаследовала худшие черты науки советской, т.е. времени, когда деятельность Общества Иисуса рассматривалась в духе французских просветителей XVIII в., исключительно с негативных позиций, причем допускалось и конкретное искажение фактов в угоду заранее заданной концепции. За недостатком места мы отсылаем читателя, интересующегося историей иезуитов, к тем немногим советским и российским изданиям (не относящимся к столь популярной сегодня псевдонаучной литературе), которые вполне доступны¹.

В западной науке при изучении колониальной Америки тема иезуитов давно занимает одно из ведущих мест, объем имеющейся литературы просто огромен, причем оценки деятельности ордена также существенно разнятся — от откровенной апологетики до полного осуждения. В данной статье сделана попытка объективно рассмотреть деятельность иезуитов вице-

---

¹ Николай Викторович Ракуц — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИИА РАН (Ychma@rambler.ru).

королевства Перу на его периферии, где главным образом и действовали иезуитские миссионеры — территории современных Чили, Аргентины, Парагвая, Юга Бразилии, Восточной Боливии и перуанской Амазонии.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

В Перу иезуиты появились не сразу. Они пришли на землю Америки в 1549 г. в португальскую Бразилию. Первым же испанским владением, где началась их деятельность, была Флорида (1566 г.), и лишь затем они прибыли в Перу (1568 г.). По сравнению с другими орденами, иезуиты «запоздали», но могли воспользоваться уже накопленным конкурентами опытом.

В отличие от других католических орденов, иезуиты рассматривали себя как организацию, нацеленную именно на миссионерскую деятельность, их устав запрещал работу в качестве приходских священников, получение соответствующих доходов и т.п. Однако, первый опыт во Флориде был крайне неудачным. Прибыв туда вместе с испанскими солдатами, вынужденные проповедовать, переходя от одного испанского форта к другому в условиях большой подвижности местного населения (что определялось типом хозяйства, сочетавшего морское собирательство и рыболовство с земледелием, практиковавшимся лишь в отдельных местах), иезуиты успеха не добились. Отчасти это объяснялось их еще недостаточной подготовленностью, а также крайней зависимостью миссионеров от испанского военного начальства, поставок продовольствия и всего необходимого из Гаваны.

Неудача повторилась в Перу: иезуитам поручили христианизацию обширной области Уарочири близ Лимы (1570 г.). Горная территория, бездорожье, рассеянное население, тяжелые климатические условия, все это в сочетании с необходимостью очень интенсивной работы вынудило их оставить миссию уже в 1572 г. Еще одна причина, по которой они это сделали, состояла в том, что иезуиты, среди которых было два перуанских метиса, прекрасно владевших кечуа, поняли, что индейцы воспринимают христианство лишь через призму своих верований, а такой религиозный синкретизм (столь обычный в Америке и до сих пор) для иезуитов был неприемлем. Известно, что именно они были самыми яркими гонителями «идолопоклонства» перуанских индейцев в XVII в. Однако позднее, учитывая иные условия и накопленный опыт, они уже были вынуждены нередко действовать, прилепляясь к обстоятельствам и несколько отступая от своих жестких принципов.

Гораздо более положительными стали результаты их работы в поселке Сантьяго-дель-Серкадо близ Лимы, где были собраны окрестные индейцы. Для них открыли школу, изолировали от контактов с испанским населением (позже именно такая сегрегация станет одной из главных причин успеха их деятельности в Парагвае). Сама форма работы иезуитами тогда счита-

Эмблема Ордена иезуитов

Основатель Ордена иезуитов Св. Игнатий Лойола

лась неприемлемой (они оказались именно в положении приходских священников, зависимых от местной испанской администрации). Но успех этой миссии подтолкнул вице-короля Ф. де Толедо к требованию, чтобы иезуиты взяли еще одну доктрину (приход), что шло вразрез с их уставом. Благодаря соглашательству, проявленному в данном вопросе тогдашним главой перуанских иезуитов, Хосе де Акостой*, иезуиты обосновались в Хули, крупном центре народа аймара у озера Титикака. Толедо вошел во вкус и потребовал увеличить количество доктрин, что вызвало крайне негативную реакцию Общества и способствовало постепенному перемещению деятельности миссионеров-иезуитов на окраины Перу, где их за-

висимость от королевской администрации сводилась к минимуму. Но доктрина Хули продолжала существовать: только одна сторона ее деятельности — кузница кадров миссионеров, владевших индейскими языками, — была огромной. Именно она, с ее опытом сочетания принципов испанского колониального управления и инкского наследия в области общинной организации и послужила, в известной мере, образцом для создания ставших столь знаменитыми впоследствии иезуитских редуций** в Парагвае и других местах².

В XVI в. преобладающей формой работы иезуитов, оставляя в стороне такую важную сферу деятельности, как образование — создание школ и колледжей в городах для обучения детей испанцев и креолов в первую очередь — были так называемые «летучие миссии». Их суть состояла в том, что миссионеры, обосновавшись в каком-либо городском центре, делали оттуда «вылазки» в окрестные индейские селения, обходя их по определенным маршрутам. В каждом селении задерживались лишь по несколько дней, совершая необходимые службы, исповедуя и т.п. Такая форма работы признавалась миссионерами наиболее эффективной. Однако они увлеклись погоней за количеством: миссий организовывали много, что вызвало нарекания орденского начальства за распыление сил — численность иезуитов нигде и никогда не была велика.

Теоретической основой деятельности миссионеров стал знаменитый труд Хосе де Акосты 1577 г. о правилах обращения индейцев. Но постулаты Акосты нередко вступали в противоречие с практикой, что вынуждало вносить коррективы на местах. Так, Акоста полагал, что для собственной безопасности миссионеры должны работать под защитой солдат, а уже опыт Флориды показал, насколько их присутствие вредит делу. Однако в то время перуанские иезуиты действовали в основном на уже «замыренной» тер-

* Хосе де Акоста (1540—1600) — испанский натуралист, историк, миссионер-иезуит.

** Редукция — индейское поселение, руководимое иезуитами.

Карта главных редуций в Парагвае: 1) Санта-Мария; 2) Сан-Игнасио (св. Игнатия Лойолы); 3) Сантьяго; 4) Санта-Роса; 5) Сан-Косме; 6) редуция Иисуса; 7) Тринидад (Св. Троицы); 8) Итапуа; 9) Канделариа (Мадонны Канделарии); 10) Сан-Карлос; 11) Апостолес (св. Апостолов); 12) Консепсьон (Непорочного Зачатия); 13) Сан-Хосе; 14) Сартирес (св. мучеников); 15) Санта-Ана; 16) Лорето (Лоретской Божьей Матери); 17) Сан-Игнасио Мини (св. Игнатия Лойолы-меньшая); 18) Корпус Кристи (тела Господня); 19) Сан-Хавьер (св. Франциска Ксаверия); 20) Санта-Мария; 21) Сан-Николас; 22) Сан-Анхело (св. Ангела); 23) Сан-Луис; 24) Сан-Лоренсо; 25) Сан-Хуан; 26) Сан-Мигель (св. Михаила Архангела); 27) Сан-Борха (св. Франсиска Борджа); 28) Сан-Томе (св. Фомы); 29) Ла Крууз (Св. Креста Господня); 30) Япею; 31) Аргентина; 32) Бразилия; 33) Река Уругвай; 34) Река Парана

ритории, часто среди индейцев, розданных в энкомьенды (в «попечение», а фактически рабство) испанцам, и проблема безопасности не была острой. Но именно в результате этой работы иезуиты довольно быстро превратились в ярых противников энкомьенды и личной службы индейцев, включая миту*, полагая, что это противоречит королевским законам, что соответствовало действительности, и вредит делу евангелизации. Это ставило их в оппозицию колониальным властям, с которыми они нередко конфликтовали. Хотя фактически иезуиты лишь стремились воплотить на практике законы, утверждавшие, что индейцы — свободные вассалы короны, а не рабы. Впрочем, эти законы повсеместно нарушались в Испанской Америке еще и в XVIII в.³

Но все эти противоречия обостряются позднее. Пока же деятельность иезуитов в Сантьяго и Хули и в «летучих миссиях», помогавшая «умиротворению» индейцев, особенно в недостаточно контролируемых испанцами районах, обратила на себя внимание. Причин было несколько. В 1573 г. коро-

* Мита — принудительные сменные работы, например, в шахтах, уносившие ежегодно тысячи жизней.

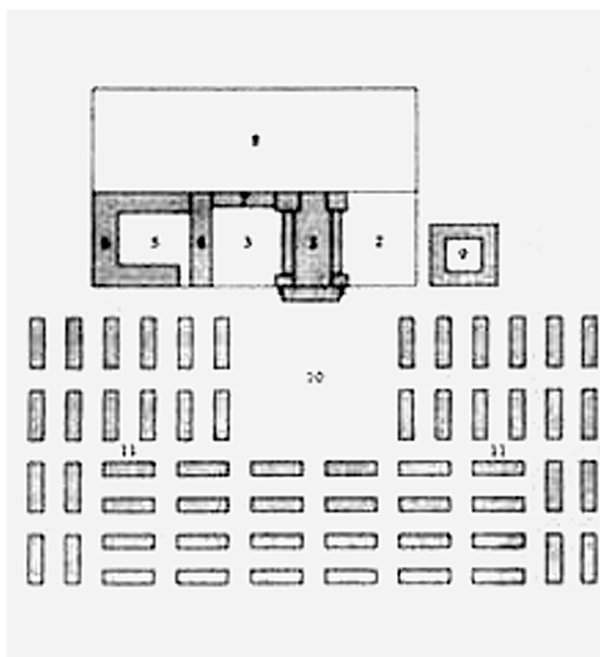
левским указом было исключено из употребления понятие «конкиста», замененное на «умиротворение и заселение». Тем самым корона отказалась от поддержки крупных завоевательных экспедиций (хотя военная экспансия, уже в иной форме, продолжала существовать на местах). Но окраинные области, недостаточно контролируемые из-за малочисленности испанского населения, необходимо было прочно включить в состав вице-королевства. Это было тем более актуальным, что в соседней Бразилии из-за нехватки рабочей силы для сахарных плантаций португальцы развернули активную охоту за индейцами, обращаемыми в рабство, и их банды (бандейры) не признавали никаких границ. Им было все равно — вторгаться на еще независимые индейские территории или во владения своего же короля (Испания и Португалия составляли единое государство в 1580—1640 гг.). Иезуиты в этих условиях были полезнее других миссионеров благодаря своим знаниям в различных областях, наличию в их числе бывших профессиональных военных. Достаточно вспомнить, что и сам основатель ордена, И. Лойола, был до того солдатом⁴. Наконец, у иезуитов было главное преимущество, позволявшее им добиваться большего успеха среди индейцев: согласно требованию Акосты, заниматься миссионерством должны были только люди, владевшие соответствующими индейскими языками (что логично, поскольку, говоря с верующим через переводчика, как сохранить, например, тайну исповеди?). И их изучению иезуиты посвящали себя со всем рвением и усердием. Помогала еще европейская языковая подготовка: знание трех языков было нормой среди иезуитов. А если они были, к тому же, не испанцами или итальянцами, а выходцами из других европейских стран (что дозволялось только их уставом, в других орденах подобного не было), а таких было много, — немцы, венгры, французы, фламандцы, ирландцы и др. — то добавлялся еще как минимум один язык. В Хули, прежде чем приступить к миссионерской деятельности, активно учили аймара и кечуа. Однако скоро стало ясно, что только этими языками не обойтись. Поэтому изучение индейских языков, в чисто прикладных целях, стало одним из важнейших занятий. Свидетельство тому — большое количество грамматик, словарей, учебников, переводов богослужебных текстов (даже если считать лишь то, что сохранилось, а утрачено впоследствии было очень много). Среди иезуитов встречались настоящие полиглоты: например, падре Барсана, работавший на юге вице-королевства, знал только индейских языков девять. С учетом всех достижений иезуитов, местные испанские власти, даже зная об их отрицании энкомьенды (приспосабливаясь к обстоятельствам, миссионерам все-таки приходилось работать и с закрепощенными индейцами), сами настаивали на присылке к ним именно иезуитов, да и индейцы нередко охотнее имели дело именно с ними. Ведь в преобладавших тогда «летучих миссиях» иезуит выгодно отличался от местного приходского священника: он проповедовал, причем на родном языке паствы (поэтому часто иезуитов, хотя бы раз в год, обязывали совершать такие миссии в районы, где местные священники языков не знали), венчал, исповедовал... Но не обременял поборами и, что еще важнее — не наказывал, ибо это было вне круга его обязанностей⁵.

Пожалуй, одной из самых успешных иезуитских «летучих миссий» стала организованная в начале XVII в. миссия на чилийском о. Чилоэ и архипелаге к югу от него. Ее обычно именуют «кольцевой миссией», она постоянно действовала с 1612 по 1767 г. и имела ряд особенностей: ежегодно, по

одному и тому же маршруту с острова на остров отправлялись два миссионера, делая краткие остановки на островах. По пути следования были возведены «капильяс» — маленькие деревянные часовни, куда к приезду миссионеров собирались жители. Из числа индейцев иезуиты готовили помощников, так называемых «фискалов», которые в отсутствие миссионеров отвечали за работу с населением. Надо отметить, что здесь иезуитам пришлось работать с уже закрепощенными индейцами — других просто не было. Жившие южнее индейцы чonos избежали энкомьенды, однако, когда в результате военного конфликта с испанцами и последовавшей за тем карательной экспедиции они были собраны иезуитами в постоянные поселения, это обернулось катастрофой, поскольку чonos — морские охотники, собиратели и рыболовы — на бедных островах просто не могли долго жить на одном месте. В результате этнос постепенно рассеялся и исчез⁶.

В конце XVI—XVII вв. стали складываться зоны деятельности иезуитов на восточных и южных окраинах Перу, куда они и сами стремились, поскольку там, в условиях фактически военной границы, зависимость миссионеров от колониальной администрации была минимальной, и они с большей свободой могли действовать так, как считали наиболее правильным. Немаловажным обстоятельством было и то, что вне зон активной колонизации миссионер имел больше шансов встретить индейцев, еще мало подверженных вредному влиянию европейцев и, как полагали, более способных в силу своей простоты, внимать проповеди. Опасность, однако, заключалась в том, что иезуитов приглашали как раз туда, где уже провалились попытки утвердиться силой оружия (Парагвай, Восточная Боливия, перуанская Амазония), и проникновение в эти области было сопряжено с риском.

Малочисленность иезуитов в огромном вице-королевстве, включавшем все испанские владения в Южной Америке, вызвала необходимость в реорганизации, что привело к выделению в составе Перу особых иезуитских провинций, в границах которых миссионерам легче было наладить связи друг с другом. В XVII в. иезуиты включили в ареал своей деятельности новые достаточно обширные территории, например, Парагвай. Надо заме-

Генеральный план типичной парагвайской редукции.

1. Церковь с портиком.
2. Кладбище.
3. Двор (патио) коллегии.
4. Классные помещения.
5. Второй двор.
6. Мастерские.
7. Дом миссионеров.
8. Сад миссии.
9. Дом для вдов и сирот.
10. Центральная площадь.
11. Кварталы домов индейцев

тить, что это название не имеет ничего общего с современным Парагваем: иезуитская провинция Парагвай, образованная в 1604 г., с центром в г. Кордова на северо-западе Аргентины, охватывала, до выделения в 1625 г. в отдельную провинцию Чили, практически весь Южный Конус. В современном узком смысле к иезуитскому Парагваю («зоне миссий», непосредственно управляемых миссионерами) можно отнести территории трех современных штатов Юга Бразилии (Парана, Санта-Катарина и Рио-Гранде-до-Сул), провинций Мисьонес и Коррьентес (Аргентина) и соседних районов Восточного Парагвая, а также провинцию Чикитос (современная Восточная Боливия, соседняя же с ней провинция Мохос административно относилась уже к иезуитской провинции Перу). Правда территории, сегодня относящиеся к Бразилии, были почти все утрачены довольно рано. Сравнительно недолго просуществовали позже основанные миссии в области Чако и на патагонской границе в Аргентине, также относившиеся к Парагваю. Возникли еще миссии в Центральном Чили и на Чилийском архипелаге (о. Чилоэ, см. выше). Кроме области Мохос в Боливии в составе провинции Перу действовали также миссии в восточном Эквадоре (в границах до 1942 г.) и на р. Ориноко. Судьбы этих миссий были разными: удачные в одних случаях, миссии терпели провал в других, что зависело от многих факторов. Но все действовавшие миссии были уничтожены королевским указом в 1767 г., а иезуиты высланы. После этого в Италии, Австрии и Германии вышли их работы, вошедшие в золотой фонд перуанистики и латиноамериканистики XVIII в., но это уже отдельная тема.

Такие окраинные миссии требовали достаточного материального обеспечения, ибо их невозможно было организовывать, как это предписывалось уставом, на основе выплат короны и приношений верующих (нерегулярных и недостаточных). Тем более, что с этими самыми «верующими» в Парагвае иезуиты сразу поссорились: назначенный провинциалом падре Торрес Больо приказал освободить всех находившихся в фактическом рабстве индейцев, приписанных к иезуитским поместьям, колледжам и т.п., и платить им жалование. Испанцев эта мера, мягко говоря, шокировала, и вызвала устойчивую неприязнь к иезуитам.

Центрами иезуитских провинций стали колледжи (учебные заведения в городах), владевшие серьезными средствами, использовавшимися для разных целей, включая поддержку миссий. Средства эти иезуитам давали приобретенные или полученные в дар недвижимая собственность (поместья и др.)⁷. «Летучие миссии» в ряде случаев продолжали существовать, но основной формой деятельности стало создание так называемых «редукций». Практика привела их к выводу, что миссия должна быть формой контакта, который требовал довольно длительного, а не эпизодического общения с новообращенными. В идеале редукции должны были быть самообеспечивающимися экономически, что не всегда оказывалось возможным.

Наибольшую известность получили образцовые парагвайские миссии, хотя по многим показателям редукции современной Восточной Боливии мало им уступали. Вопреки утверждениям советских историков, проникновение иезуитов в эти области осуществлялось именно мирными средствами. Дело в том, что советские авторы, как правило, основывали, что примечательно, свои утверждения на свидетельствах «современников», которые, однако, по меткому замечанию иезуита XVIII в. Мартина Доб-

рицхоффера, писавшего о французском путешественнике Л.-А. де Бугенвиле, посетившем в ходе кругосветного путешествия Буэнос-Айрес, этих самых редуций даже издали в глаза не видели, тем более, что доступ туда испанцам и индейцам как правило был запрещен. Кроме того эти современники были в большинстве своем яркими противниками редуций или просто не знавшими ситуации иностранцами, как тот же

Руины одной из редуций на территории современной Аргентины

Бугенвиль. В реальности же никакой военной силы за иезуитами не стояло: испанцы с куда большей готовностью мешали им, чем помогали (вплоть до поддержки португальских бандейрантов и союза с ними, ибо и те, и другие желали только одного — получить бесплатную рабочую силу). От военного сопровождения иезуиты категорически отказались, а называть «вторжением» приход, например, пары-тройки безоружных иезуитов на свободную индейскую территорию — по меньшей мере, сильная натяжка. Заметим, что даже в 1767 г. на всей территории парагвайских миссий было лишь 77 иезуитов (два-три на редуцию). Миссии фактически основывались только там и тогда, где и когда сами индейцы это позволяли. Основания же позволить у них были: с одной стороны, на них наседали португальские бандейранты, с другой — испанские энкомендеро и колонисты из Асунсьона и Санта-Круса. Конечно, индейцам просто не оставили выбора: редуции или рабство/смерть. Странно ли, что они выбирали первое? По меткому замечанию одного американского историка, без желания и прямого содействия гуарани миссии не появились бы никогда. Это, конечно, не значит, что индейского сопротивления не было — оно стало естественной реакцией на приход чужаков. История иезуитов знает имена 97 мучеников только в Южной Америке, из них 28 — в Парагвае⁸.

Создание миссий начиналось с того, что двое-трое (иногда несколько больше) иезуитов отправлялись на неподвластную испанцам территорию и убеждали индейцев изменить образ жизни, принять христианство и стать вассалами короля, а не рабами испанских энкомендеро или португальцев. Особое внимание обращалось на местных касиков (вождей), поскольку они могли влиять на мнение группы. Группы же у гуарани были невелики по численности. Это были охотники, рыболовы и собиратели, знавшие, однако, подсечное земледелие и ограниченно практиковавшие его. Это стереотипное утверждение сегодня оспаривает известный испанский ученый Б.Мелья, утверждающий, что земледелие было для гуарани главным занятием, что явствует как из широкого набора возделываемых культур, так и из богатого словаря, касающегося названий различных видов работ. Группы часто меняли места обитания. В литературе закрепилось мнение, что

это было следствием постоянного поиска гуарани так называемой «земли без зла», этакое земного рая. На деле все было гораздо проще (хотя миссионеры воспользовались этим представлением). Еще в труде «Грамматика языка гуарани» (1640 г.) выдающийся миссионер А.Руис де Монтойя объяснил значение выражения предельно ясно: «земля без зла» — это девственная, необработанная никем земля. И поиски таковой были вполне естественны для людей, занимавшихся подсечно-огневым земледелием. А поскольку миссии основывались иезуитами на еще свободных землях и нередко переносились в случае опасности, то в известной мере вполне могли соответствовать такому понятию⁹.

С вождями иезуитам договориться было проще, поскольку им редукция обещала сохранение и укрепление их положения. Но были еще шаманы, приверженцы традиционных порядков, с которыми иезуиты, вполне в духе своего времени, боролись, как со «слугами дьявола». Еще сложнее оказывалась ситуация, когда вождь и шаман были одним лицом. А даром убеждения шаманы владели не хуже иезуитов: первый парагвайский святой — падре Роке Гонсалес де Санта Крус, уроженец Асунсьона, для которого гуарани был родным языком (канонизирован в 1988 г.), погиб потому, что проиграл знаменитому шаману в состязании в ораторском искусстве.

Иезуиты располагали, однако, тем, чего не было у шаманов: подарками в виде металлических орудий, очень ценных в глазах индейцев, и прочими диковинками. Некоторые из них были также хорошими музыкантами, а гуарани обожали музыку. Ну, а уж когда редукции были созданы, чудеса продолжались: иезуиты завели домашний скот, внедрили современные на то время металлические сельскохозяйственные орудия и агротехнику, сумели получить от короны огнестрельное оружие, строили укрепления, водопроводы и водоподъемники для сельскохозяйственных целей, дренажные системы, мосты. В их миссиях мощение улиц появилось на 100 лет раньше, чем в столице Перу Лиме. Они ввели в культуру мате (парагвайский чай), на добыче которого в диком виде в энкомьендах погибали тысячи индейцев. Кстати, после изгнания иезуитов из Америки эта культура была утрачена и восстановлена только перед Первой мировой войной. Даже первая в провинции Парагвай типография появилась у них, в конце XVII в. (книги печатались и на гуарани), а в 1700 г. падре Антонио Зепп в одной из восточных редукций организовал собственное производство железа и стали, что позволило ему наладить выделку топоров и других сельскохозяйственных орудий, а также оружия — пик, сабель, мушкетов. Индейские шаманы таких чудес творить не могли и сдались (хотя, так называемые «колдуны/знахари» тайком практиковали и много позже). Но фактически иезуиты, сами того не желая, заместили шаманов. Руис де Монтойя, герой эпохи создания миссий, прах которого гуарани пешком принесли из Лимы, чтобы похоронить, как он завещал, в Парагвае, был бы, вероятно, очень огорчен, если бы знал, что индейцы считали его не кем иным, как реинкарнацией могущественнейшего из своих шаманов — Сияющего Солнца. Впрочем, труды миссионеров не пропали даром: в XVIII в. гуарани в иезуитских редукциях уже в полной мере считали себя христианами, причем даже единственно настоящими (относительно испанцев у них были на сей счет, и, надо заметить, вполне обоснованно, большие сомнения, как, впрочем, и у самих иезуитов)¹⁰.

Первые иезуитские миссии, созданные в провинциях Гуайра́ и Тапé (современные южные штаты Бразилии) в 1610—1630 гг., скоро стали объектом нападений охотников за рабами из бразильского г. Сан-Пауло и были в период 1628—1638 гг. почти все легко разгромлены из-за своей полной беззащитности. Испанские власти никакой помощи им не оказали. Руис де Монтойя, тогда глава миссий в Гуайре (к 1631 г. они были уже почти все разорены), в такой обстановке решился на исход. На плотках, а у водопадов и порогов и пешком, тысячи индейцев преодолели огромное расстояние, потеряв три четверти из 12 тыс. человек убитыми, захваченными в рабство, умершими от голода или просто разбежавшимися. Испанские колонисты пытались, вкупе с португальцами, помешать их отступлению. Но оставшиеся в живых прибыли в междуречье Уругвая и Параны и стали постепенно восстанавливать редукции. Опасность португальского вторжения, однако, еще не исчезла. Монтойя, сам имевший до вступления в ряды иезуитов военный опыт, понял, что помогут только решительные меры. Он поехал в Мадрид и добился королевского указа о вооружении индейцев миссий европейским оружием с согласия перуанского вице-короля. За этим согласием он отправился в родную Лиму и получил его. Однако, по неясным причинам, ему не разрешили вернуться в Парагвай. Результатом его трудов был решительный разгром бандейрантов силами гуарани (имевших всего 300 мушкетов) под руководством иезуитов при Мборорé в 1641 г. Таким образом, иезуиты вовсе не «присваивали себе королевские полномочия», вооружая индейцев, как утверждали некоторые авторы. Просьба о вооружении индейцев выражалась ими в разных местах трижды, но удовлетворена была лишь однажды — в Парагвае¹¹.

ПРОВИНЦИЯ ПАРАГВАЙ

В завершенном виде иезуитская провинция Парагвай представляла из себя следующее: провинциал имел резиденцией г. Кордову, областью миссий управлял супериор, живший в одной из редукций, но обязанный ежегодно посещать все остальные. В каждой редукции было два (в многонаселенных редукциях три) иезуита, одни из которых занимался делами церковными, а другой — повседневными хозяйственными. Они возглавляли местный муниципалитет (*cabildo*), в который ежегодно избиралось необходимое число чиновников из индейцев (как правило, это были касики прежних малых селений, сведенных в редукцию, где они возглавляли «кварталы», на которые подразделялась миссия). Все редукции были связаны между собой сетью путей сообщения (по рекам, на которых строились мосты или организовывались переправы, или с помощью проложенных специально дорог с постоянными дворами). Заметим, что в испанской зоне колонизации ничего подобного не было даже в XVIII в. Редукции были автономны, но в административном отношении подчинялись губернаторам Асунсьона и Буэнос-Айреса, и ни в коей мере не являли собой «государство иезуитов в Парагвае», как любили его прежде называть разного рода французские «просветители» и историки. Это была, скорее, федерация общин, точнее одна из федераций. В провинциях Мохос, Чикитос и на Амазонке были меньшие по размерам, но аналогичные образования.

Вопреки утверждениям противников иезуитов, что все редукции были похожи, как близнецы, и кто видел одну — видел все, на деле все было сложнее. Да, существовал общий план построения, но он вырабатывался постепенно и с учетом конкретной обстановки. Вообще, надо заметить, что в литературе часто описание строится так, словно у иезуитов все появилось сразу и не менялось в дальнейшем. В реальности же создание миссий было длительным и довольно медленным процессом (последняя из 30 парагвайских миссий была основана только в 1706 г.), что позволяло учитывать предшествующий опыт. Строившиеся в разных ландшафтных зонах, редукции просто должны были иметь конкретные особенности. Как выглядели ранние редукции, мы, собственно говоря, не знаем. По материалам Восточной Боливии можно предположить, что сначала редукцией объявлялось несколько соседних, близко расположенных деревень, которые постепенно сводились в одно целое. После разгрома ранних редукций методом проб и ошибок были постепенно созданы новые, начавшие процветать уже в 40-х годах XVII в. А во второй половине XVII в. и были окончательно выработаны правила построения поселений с учетом конкретных условий местности. По образцу парагвайских строились позже редукции в провинциях Мохос и Чикитос. Причем создавались они собственно иезуитскими архитекторами. Численность населения в миссиях была различной — от 1 до 7 тыс. человек (в среднем же 2—4 тыс.). Поэтому некоторые авторы пишут даже об иезуитских городах (в Монтевидео, например, еще в XVIII в. было менее 3 тыс. жителей).

Местность для постройки редукции выбиралась тщательно, с учетом не только европейской, но и индейской традиции. Так, редукция должна была строиться на несколько возвышенном, хорошо проветриваемом, с подходящим климатом месте, защищенном от наводнений, обеспеченном водой, местами для рыбной ловли, плодородными землями по соседству, недалеко от леса. Строить рекомендовалось по плану редукции Хули или же так, как сами индейцы сочтут лучше. В редукции создавалась своя канализационная система для отвода сточных и использованных вод. В случае необходимости возводились земляные укрепления, окруженные рвом. Последнее было, правда, сопряжено с риском роста заболеваемости, так как рвы являлись рассадниками москитов. Периодически возникавшие эпидемии (как правило, заносимые со стороны, из зон испанских поселений) вообще были одним из самых серьезных врагов редукций, учитывая как состояние медицины того времени, так и простую нехватку врачей и даже аптекарей. Это, кстати, позволило «выжить» индейским шаманам, поскольку в качестве лекарей они были необходимы. Одним из следствий угрозы эпидемий стало и ограничение максимально допустимой численности населения редукций. Если жителей в миссии становилось более 6—7 тыс. человек, часть из них переселяли во вновь основанную или менее населенную другую миссию.

Центром жизни редукции была ее площадь (как, впрочем, и у гуарани доколониального времени). С трех сторон к ней примыкали ряды больших жилых домов, а четвертая была занята церковью, резиденцией отцов-иезуитов, мастерскими, большим «женским домом», где жили вдовы, женщины, мужья которых временно отсутствовали, а также провинившиеся в чем-либо (в особом тюремном отсеке). Здесь же располагалось кладбище, за этой линией строений разбивали сад для иезуитов. На площадь выходило также здание муниципалитета.

Ряды длинных домов образовывали кварталы, в каждом из которых жили представители одного из прежних малых селений, возглавлявшиеся своими вождями. Дома представляли собой фактически заимствованную у гуарани постройку, предназначенную для расширенной/большой семьи, только в миссиях каждый дом разбивался на семейные ячейки, и такие комнаты имели отдельные входы с веранды, но не сообщались между собой. Жилище касика (вождя) в каждом квартале помещалось ближе других к площади. Образованные рядами таких домов улицы были совершенно прямыми, мостились и обсаживались плодовыми деревьями.

Все здания ставились на каменные фундаменты. Целиком каменными были поначалу церкви, резиденции священников и некоторые другие важные строения. Жилые дома возводились из сырцовых кирпичей или были глинобитными, крыши крыли черепицей, изготавливавшейся на месте. С начала 1740-х годов было рекомендовано возводить из камня все постройки в редуциях, так как глиняные стены требовалось часто подновлять и ремонтировать. Полностью реализовать эту строительную программу иезуиты не успели, поскольку были изгнаны. К тому же камень имелся далеко не везде, что вызывало необходимость дальних перевозок материалов.

Каждая редуция имела обширные хозяйственные угодья: пашни, где выращивались как традиционные для гуарани, так и европейские культуры (урожай последних использовали, прежде всего, сами миссионеры, поскольку индейцы употреблять их в пищу не хотели), пастбища (для крупного рогатого скота, лошадей, ослов, мулов, разводили также свиней, овец, коз, различную домашнюю птицу). В хозяйственные угодья надо также включить соседний лес, где добывали строительный материал, дрова и охотились по воскресеньям и праздникам, места рыбной ловли и т.д. и, разумеется, знаменитые йербали, плантации, где выращивали парагвайский чай. В каждой редуции были также различные мастерские (столярные, кузнечные, ювелирные, ткацкие, литейные, по производству образов и скульптур для церквей, пекарни и т.д.). Гуарани, как единодушно отмечали иезуиты, очень хорошо и быстро освоились с европейскими технологиями и весьма преуспевали в разного рода производствах, вплоть до того, что в редуциях было налажено даже серийное производство продукции.

В идеале каждая редуция должна была быть полностью самообеспечивающейся, но реальность быстро доказала иезуитам, что это не всегда возможно. Так, например, самая южная редуция, Япейу на р. Уругвай, была скотоводческой, поскольку хороших пахотных земель рядом с ней не оказалось, а больше всего мате собирали в редуциях к востоку от той же реки. Поэтому между миссиями был налажен натуральный обмен продукцией. Кроме того, приходилось вести торговлю в городах, чтобы приобретать необходимые инструменты и т.д., что требовало производства товаров, привлекательных для горожан (мате, ткани, религиозные изображения разных видов)¹². Такая забота об удовлетворении материальных потребностей населения, невиданная не только для того времени, имела простое объяснение: практичные иезуиты прекрасно понимали, что решение проблем материальных есть основа совершенствования духовного¹³.

Жизнь в миссиях отнюдь не была однообразной, хотя рабочие дни были строго расписаны по часам, что весьма напоминало казарменный порядок. Каждый день начинался и завершался церковной службой. Днем жители были заняты работой на полях — общинном в первую очередь, что гаран-

Круг Диего де Киспе Тито. Фрагмент картины из серии, посвященной процессии Corpus Christi из церкви Санта-Ана в Куско. 1660 г. Ректор коллегии иезуитов со своими сотрудниками. Куско, архиепископская коллекция

также в мастерских. Женщины были заняты прежде всего в выработке изделий из хлопка и шерсти, керамики, помогали в работе на семейных участках. Это было, кстати, одним из очень серьезных для гуарани новшеств, введенных миссионерами: прежде мужчины только расчищали поле и готовили его для посева, все остальное было делом женщин.

Рабочий день продолжался 6 часов. Для сравнения: в испанских поместьях — 12, и то официально, поскольку там никто ничего не проверял. И именно испанцы очень жалели, что «бедных индейцев» так эксплуатируют в редукциях. В реальности эта эксплуатация сводилась к тому, чтобы индейцы участвовали в работах, необходимых для самообеспечения и для создания резервного фонда на случай неурожая, эпидемий или войны. Неспособность индейцев жить иначе, кроме как сегодняшним днем (что было естественно в прежних условиях), доводила миссионеров до отчаяния и требовала больших усилий для переучивания. Испанцы также утверждали, что иезуиты якобы наживались на торговле. Да, иезуиты торговали, как упоминалось, прежде всего, парагвайским чаем, деньги за который шли на уплату установленного налога в королевскую казну. Да, торговали и другими излишками. Но все принадлежало общинам редукций. В 1767 г. ворвавшиеся в зону миссий королевские посланники, рассчитывавшие найти у самих иезуитов и на складах огромные богатства, обнаружили миссионеров, не имевших ни гроша, — только личные вещи в минимальном количестве, а на складах — лишь самый необходимый запас продуктов и сырья. Другое дело, что в некоторых махинациях, включая контрабанду, кое-кто из иезуитов замешан действительно был, но это были иезуиты из колледжей, в миссиях не работавшие, и с местным испано-креольским окружением связанные более тесно.

Воскресные и праздничные дни от обычной работы были свободны. Население редукций тогда развлекалось играми, танцами, охотой и т.д.

тировало создание необходимых запасов продовольствия, но также и на семейных участках, которые по разным причинам не обеспечивали полностью потребности семьи в продуктах (появились такие участки не сразу и под давлением колониальной администрации, в ранних миссиях их не было). Поэтому с общинного склада индейцам ежедневно выдавали мясо и мате. Многие работали на пастбищах и в специально созданных удаленных скотоводческих хозяйствах, а

Время от времени мужчин из редукций привлекали для строительных работ, прокладки дорог, транспортировки грузов, а также для несения военной службы, поскольку в редукциях имела собственная милиция. Гуарани сыграли важную роль в военных кампаниях против португальцев и в подавлении мятежей испанских колонистов, недовольных тем, что им были недоступны индейцы и земли редукций (так это было, например, в 1740 г.). Обратной стороной всех этих служб было опять-таки распространение эпидемий, заносимых извне, не говоря уже о людских потерях во время военных действий¹⁴.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕДУКЦИЯХ

Результатом деятельности иезуитских миссионеров в Парагвае стало формирование особой, гуаранийско-христианской культуры (понятие достаточно условное). Говоря о культуре редукций, исследователи называют ее то гибридной цивилизацией, то культурным симбиозом/синтезом, то взаимовлиянием культур. Одной из ее особенностей было то, что хотя контакты с внешним миром были сведены иезуитами к минимуму, дабы успешно осуществлять христианизацию, культура миссий отнюдь не была застойной и отсталой.

Обычный взгляд на миссионерскую деятельность и ее результаты предельно прост: миссионеры якобы искореняли местную культуру, насаждая свою. Это, однако, никак не относится к иезуитским редукциям по целому ряду причин. Да, иезуиты всячески старались утвердить христианство (и верили, что утвердили), также, как и сделать индейцев людьми, живущими «правильно», т.е. оседло, в поселениях, занимающимися сельским хозяйством, т.е. «цивилизованными». Но нельзя забывать, что сами иезуиты в процессе создания редукций прошли так называемую «инкультурацию», т.е. собственное вхождение в культуру гуарани. То, что они во многом ее так и не поняли, — не их вина, поскольку они были людьми своего времени и своей культуры. Но в отличие от других «цивилизаторов» они, по крайней мере, честно старались это сделать. Последствия были весьма показательны: официальным (да и единственным) языком, использовавшимся в редукциях, был гуарани. Испанскому учили разве что детей касиков, и то ограниченно. В результате появился кодифицированный, основанный на диалекте Гуайры, имевший свою письменность язык гуарани, сегодня уже утраченный. Но и испанцы в том же Асунсьоне и его окрестностях тоже говорили на гуарани.

Важно было и то, что иезуиты иначе, чем другие ордена, подходили к самой проблеме христианизации: крестили только после того, как человек, пройдя соответствующее обучение, сам выражал желание креститься (те же францисканцы поступали наоборот: сначала всех окрестить, скопом, а потом уже учить катехизису).

Очень многое из собственно гуаранийской культуры было сохранено, хотя и трансформировано с учетом реальной ситуации. Так, даже места для создания редукций выбирались с учетом мнения индейцев. Сохранились многие индейские практики ведения хозяйства (выращивание традиционных культур, сочетание земледелия с охотой и рыболовством и разведением животных, хотя прежде гуарани выращивали лишь домашнюю птицу, а при иезуитах главным стало разведение крупного рогатого скота), орудия труда, но замененные на железные, длинные общинные дома, только разделенные на семейные ячейки, каноэ как средства транспорта и др. Это,

если говорить о культуре материальной. Но и в области культуры духовной традиции также не искоренялись, если, по мнению иезуитов, они не противоречили христианству (заметим, что они не всегда правильно представляли себе реальное положение вещей). Полигамия вождей была изжита путем воспитания подрастающих поколений, но очень постепенно, фактически она исчезла лишь в XVIII в. Антропофагию (людоедство) ликвидировали быстрее, просто потому, что с уходом в прошлое межгрупповых войн она утратила смысл. Одним из достижений иезуитов было, кстати, то, что они сумели объединить в редукциях ранее враждовавшие между собой группы. Достаточно быстро было искоренено также «пьянство», когда вместо местного пива внедрили употребление парагвайского чая, ибо иезуиты поняли, что главным был сам общественный характер ритуала (сходки, встречи гостей и др.), а что собственно пить — не имело особого значения. Готовили, впрочем, для праздников и вино, но очень легкое, не вызывавшее опьянения.

Наивно полагая, что подарками они привлекали индейцев к принятию крещения, иезуиты, на самом деле, включились в систему «дар-отдарок», т.е. реципрокность, которая для гуарани была основой системы власти, куда более важной, чем насилие, которое, впрочем, сложно было применить в обществе, где малейшее несогласие с вождем могло привести, например, к отселению части жителей. Побег или уход из редукций также вовсе не были редким явлением даже и в позднее время (по причине хотя бы строгой дисциплины в этих селениях), убедить ушедших вернуться удавалось не всегда. Средств же воздействия, кроме убеждения, почти не было. Надо отметить такой важный момент: в редукциях, впервые в мире, была отменена такая мера наказания, как смертная казнь. Человека можно было наказать 25 ударами плети (не более) или тюрьмой (до 10 лет), или переселением в другую редукцию, или же изгнанием из области миссий. И это все.

Подчас то, что иезуитам казалось явным свидетельством обращения в христианство, на деле было нередко переосмыслением собственно гуаранийской традиции. Например, гуарани очень полюбили праздник Воскресения Господня. Но надо учитывать, что на их языке название его происходило от того же корня, что и слово «весна». Кстати, креолы и испанцы, считавшие себя христианами, не любили индейские празднования этого дня, считая их «индейскими штучками». Религиозность гуарани носила особый характер, учитывая наличие в их представлениях монотеистической концепции, и более соответствовала идеям иезуитов, нежели остальных колонистов, для которых важно было лишь выполнять предписания (сходить на мессу, исповедаться). В этом смысле гуарани были ближе к иезуитам как убежденным, а не «культовым» христианам. К тому же иезуиты, в отличие от колонистов, видели в индейцах людей, хотя и воспринимали их как «детей», не совсем равных себе из-за их полного равнодушия к вопросам экономики в европейском понимании, неумении планировать производство и т.п. Но то христианство, которое несли индейцам иезуиты, смогло в целом бесконфликтно прижиться среди них, если не считать устранения от власти шаманов. При этом иезуиты фактически учили методы шаманов и приняли их на вооружение. Магический характер иезуитского христианства очевиден, но другим в тех условиях он и не мог быть. Они широко практиковали пышно обставленные моления, проповеди

к верующим с указаниями на грехи как причину бедствий, заклинания земли, изгнание бесов, при каждом удобном случае использовали священные реликвии (крест, мощи, образа святых) для защиты, например, посевов от вредителей, что производило на индейцев впечатление, гораздо более сильное, чем внедренные европейские технологии. Последние, кстати, индейцами принимались весьма выборочно (так, мало где прижился плуг, его, бывало, просто пускали на дрова, а быков забивали и съедали; в рыболовстве сохранялся и традиционный способ лова рыбы, наряду с ловлей на крючок и т.п.). Сохранились при иезуитах и индейские танцы и музыка, которые они не считали противоречащими христианству, и другие обычаи, например «банкеты», собиравшие жителей соседних селений (иезуиты считали их проявлением христианского милосердия).

Немаловажную роль играло искусство барокко, утвердившееся в архитектуре церквей, говорившее с верующими языком образов.

Парадоксальным образом то, что иезуиты считали свидетельством их успешной деятельности на ниве христианизации, сами гуарани, очевидно, воспринимали, как сохранение и продолжение их исконной традиции¹⁵.

Одним из неожиданных последствий христианизации гуарани стала «индейская лень», упоминания о которой были общим местом в описаниях колониального периода. Индейцы «ленились» работать на колонизаторов в энкомьендах, там это была своего рода форма пассивного сопротивления. Почему она проявилась и в редуциях? Объяснение можно найти в том факте, что иезуиты довольно существенно изменили рабочий ритм индейской жизни. Прежде у гуарани не было свободных дней как таковых, а в редуциях — каждое воскресенье плюс религиозные праздники, когда предписывалось не работать, итого до 100 с лишним дней в году, и еще раздачи с общинных складов продовольствия и т.д. Надо сюда добавить и то, что по законам редуций, умелый ремесленник, например, не получал никаких отличий в сравнении с соседями, он работал на общину — и этим все было сказано. Но при всем этом даже в 1761 г. посетивший миссии архиепископ Асунсьона жаловался, что редуции процветали, Буэнос-Айрес тоже (что понятно, он стал важным портом), а Асунсьон хирел на глазах¹⁶. Зависть бездельников-креолов росла день ото дня, иезуитов даже подозревали в тайной разработке золотых месторождений. Они доказывали, что золота на их территории нет (и делали это с полным знанием дела, среди них были и хорошие геологи), но убедить никого так и не смогли, и поиски иезуитских золотых приисков продолжались еще долго.

Иезуитские миссии в Парагвае, казалось, будут и дальше существовать, но в 1750 г. политика короны по отношению к ним резко изменилась. По заключенному тогда договору о границах между испанскими и португальскими владениями, иезуитам было приказано вывести население семи редуций, расположенных восточнее реки Уругвай, на ее правый берег. Эти территории переходили к португальцам в обмен на их военный форпост близ Монтевидео — колонию Сакраменто. До того она несколько раз отвоевывалась испанцами (кстати, при активном участии военных формирований гуарани), но восстанавливалась заново. Иезуиты пытались уговорить власти изменить условия договора, но безуспешно. Они подчинились, и с этого начался закат их могущества в Америке. Индейцы семи восточных редуций категорически отказались уходить со своей земли и отдавать ее

врагу. Они просили иезуитов возглавить сопротивление, как то было во времена Руиса де Монтойи. Иезуиты, однако, посчитали для себя неприемлемым нарушить королевский указ. В итоге их авторитет в глазах индейцев сильно пошатнулся. И тут выяснилось, что гуарани отнюдь не утратили свои традиции: они выбрали военных вождей и сами организовали вооруженное сопротивление. Оно было подавлено совместными усилиями испанских и португальских войск. Но обвинили в организации этой войны все равно иезуитов. Их патернализм в отношении индейцев и стремление (из лучших побуждений) убедить власти, что индейцы — как дети малые, без руководства своих духовных отцов ничего сами не могут, сыграли с ними злую шутку: мнение об индейцах, как о «детях», настолько укоренилось, что, когда они стали действовать самостоятельно, никто не верил, что это возможно без помощи иезуитов. Мнение королевского окружения в Мадриде было однозначным: нет мятежных индейцев, есть нелояльные короне иезуиты. Финал был закономерен. В 1759 г. иезуиты были изгнаны из владений Португалии, а в 1767 г. — из колоний Испании. Так закончился этот единственный в своем роде эксперимент по созданию симбиоза культур, сегодня часто именуемый утопией. Но ведь этот симбиоз реально существовал. Долго. И не только в Парагвае.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И.Р.Григулевич. Крест и меч. Католическая церковь в Испанской Америке, XVI—XVIII вв. М., 1977; В.Н.Селиванов. Латинская Америка: от конкистадоров до независимости. М., 1984; В.В.Святловский. Коммунистическое государство иезуитов в Парагвае в XVII и XVIII ст. Петроград, 1924; Д.В.Дубровская. Миссия иезуитов в Китае. М., 2000.

² N.P.Cushner. Why Have You Come Here? Oxford, 2006, p. 34—47; R.Mогено Jерiа. Misiones en Chile Austral: los jesuitas en Chiloé (1608—1768). Sevilla, 2007, p. 47—48; S.H y l a n d. The Jesuit and the Incas. Ann Arbor, 2003, p. 46—47; P.J. de A r r i a g a. Extirpación de la idolatría en el Perú. — Crónicas peruanas de interés indígena. Madrid, 1968; M.R e v u e l t a G o n z á l e z. Los jesuitas en América. Utopía y realidad en las reducciones del Paraguay. En Conferencia en Forum Deusto 21 de febrero 2006. — www.eside.deusto.es; A.C o e l l o d e l a R o s a. La doctrina de Julí en debate (1575—1585). — Revista de Estudios Extremeños, Tomo LXIII, N II. Badajoz, 2007, p.953—954.

³ A.C o e l l o d e l a R o s a. Los jesuitas y las misiones de frontera del Alto Perú: Santa Cruz de la Sierra (1587—1603). — Revista Complutense de Historia de América. vol. 33, p. 151—175. Madrid, 2007; J. d e A c o s t a. Predicación del Evangelio en las Indias (1577). — www.cervantesvirtual.com; A.S e g u í. Las reducciones jesuíticas del Paraguay. — Cuadernos Hispanoamericanos, 2003 (637—638), p. 139; G.C h a m o r r o. Antonio Ruiz de Montoya: promotor y defensor de los pueblos indígenas. — Historia Unisinos, 2007, 11 (2): 253; W.J.M a t t i e n z o C a s t i l l o. La encomienda y las reducciones jesuíticas de América Meridional. — Temas Americanistas, 2008, N 11, p.74—75.

⁴ В.Н.Селиванов. Указ. соч., с. 35, 38.

⁵ X.A l b ó. Jesuitas y culturas indígenas (Primera parte). — América Indígena, Vol.XXVI, N 3, 1966, p. 268; e г o ж e. Jesuitas y culturas indígenas (Segunda parte). — América Indígena, Vol.XXVI, N 4, 1966, p. 404.

⁶ R.Mогено Jерiа. Op. cit., p. 98—101; M.M ü l l e r. Jesuitas centro-europeos ó “alemanes” en las misiones de indígenas de las antiguas provincias de Chile y del Paraguay (siglos XVII y XVIII). — São Francisco Xavier. Nos 500 anos do nascimento de São Francisco Xavier: da Europa para o mundo. 1506—2006. Porto, 2007, p. 91—92.

⁷ T.W. O'Brien. Utopia in the Midst of Oppression? A Reconsideration of Guaraní/Jesuit Communities in Seventeenth and Eighteenth Century Paraguay. — Contemporary Justice Review, 2004, Vol. 7, N. 4, p. 402.

⁸ В.Н.Селиванов. Указ. соч., с. 42—43; И.П.Григулевич. Указ. соч., с. 167; M.Dobrizhoffer. An Account of the Abipones, an Equestrian People of Paraguay. London, 1822, T.1, p.17; T.W.O'Brien. Op.cit., p. 399, 408; L.Muratori. Il cristianesimo felice nelle missioni dei padri della Compagnia di Gesù nel Paraguai. Palermo, 1985 [1743], p. 104.

⁹ B.Melià. Potirõ: las formas del trabajo entre los Guaraní antiguos «reducidos» y modernos. — Revista Complutense de Historia de América, 22. Madrid, 1996; C.Julien. Candire in Real Time and Space: Sixteenth-Century Expeditions from the Pantanal to the Andes. — Ethnohistory 2007, N 54:2, p. 264—265.

¹⁰ J.A.Osanna. Las misiones jesuítas en la región del Guayrá en las primeras décadas del siglo XVII. — Mundo Agrario, 2008, vol. 8 número 016. Universidad Nacional de La Plata., p. 10; G.Wilde. 2003, Poderes del ritual y rituales del poder: un análisis de las celebraciones en los pueblos jesuítas de Guaraníes. — Revista Española de Antropología Americana, 2003, N 33, p. 216—217; В.Н.Селиванов. Указ. соч., с. 51; T.A.Palacios. Comienzos de la siderurgia colonial en la reducción indígena guaraníca de San Juan Bautista. — Revista SAM, Asociación Argentina de Materiales, 2011, Vol. 8, No. 1, p.18—21; M.C.BonMartins. Sobre las prácticas guaraníes nas reduções. — Educación y Evangelización. La Experiencia de un Mundo Mejor. Córdoba, 2005, p. 114; G.Chamorro. Op. cit., p. 259; M.Haubert. Jesuitas, indios y fronteras coloniales en los Siglos XVII y XVIII. Algunas notas sobre las reducciones del Paraguay, su formación y su destrucción final. — Sociedad y Religión, 1992, № 9, p. 75.

¹¹ В.Н.Селиванов. Указ. соч., с. 46; J.L.OrellanaMartínez. La construcción del paraíso: las reducciones del Paraguay. — Legete. Estudios de Comunicaci3n y Sociedad. Concepci3n, 2008, N 10, p. 96; A.Poenitz, E.Snihur. La Herencia misionera. 2011. — <http://www.territorioidigital.co/herencia/indice.asp?herencia3/paginas>

¹² Ibidem; T.W.O'Brien. Op. cit; J.Villagas. Reducciones jesuíticas del Paraguay, método de evangelizaci3n de guaraníes sin otros habitantes en los pueblos. — Educación y Evangelizaci3n. La Experiencia de un Mundo Mejor. Córdoba, 2005, p. 33—41.

¹³ E.C.DeckmannFleck. Las reducciones jesuítico-guaraníes — un espacio de creaci3n y resignificaci3n (Provincia Jesuítica de Paraguay — siglo XVII). 2005. — www.ifch.unicamp.br/ihb/estudos/Reduccion.pdf

¹⁴ M.Müller. Op. cit., p. 96; M.RevueltaGonzález. Op. cit.; В.Н.Селиванов. Указ. соч., с. 57.

¹⁵ E.C.DeckmannFleck. Op. cit.; M.RevueltaGonzález. Op.cit.; B.D.Sutercis. Tres utopias en el Paraguay colonial durante los siglos XVII y XVIII. — Educación y Evangelizaci3n. La Experiencia de un Mundo Mejor. Córdoba, 2005, p. 23—28.

¹⁶ B.Melià. Op. cit; J.Villagas. Op. cit., p. 41—42.

Продолжение следует